

— Хорошо, как Хуэй-гэ сказал, так и будет.

...

— Хуэй-гэ, я сегодня вообще ничего не понял из того, что говорил тот священник...

— Он сказал — согласен ли ты стать моим спутником и возлюбленным, начиная с этого дня, принадлежать друг другу и поддерживать друг друга, любить и ценить друг друга как в радости, так и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас.

— Как-то слишком старомодно.

— Старомодно? А что, по-твоему, не старомодно?

— Я думаю...

— М-м?

— Чтобы ты был рядом со мной.

...

— Хуэй-гэ, тебе в эти дни, наверное, тяжело... Много дел в компании отложилось. С похоронами дедушки я здесь сам справлюсь, возвращайся скорее.

— Что за глупости говоришь.

— Я не...

— Поплачь, хорошо? Я здесь.

— Я... я... Хуэй-гэ, я тебе скажу... Мой дедушка больше всего любил готовить для меня вкусняшки... Рыба в кисло-сладком соусе у него получалась самой вкусной... Он же в прошлый раз ещё говорил... Говорил, что будет ждать меня, ждать, когда я вернусь...

— Хуэй-гэ... Мне так тяжело...

— Хорошо, нашему Сяотяню тяжело, и Хуэй-гэ будет тяжело вместе с тобой.

...

Шао Хуэй сжался на заднем сиденье, изо всех сил моргая сухими глазами. Вся его спина была покрыта холодным потом, и он не мог сдержать дрожь. Он отчаянно дышал, пытаясь успокоиться, и каждый выдох словно поджигал огонь у него в горле.

— Кхе! Кх-кх-кх! Кх-кх!

Ему показалось, что в горле внезапно выросли густые колючки-зазубрины, от которых его начало душить и он закашлялся.

Он кашлял, кашлял, потом дыхание перехватило, начались сухие позывы, от которых у него потемнело в глазах, и он почти потерял сознание.

Среди мучительных хрипов Шао Хуэй упрямо думал одно — только бы на этот раз Сяотянь остался цел и невредим, и он согласится на что угодно.

Лишь бы он смог это сделать.

Лишь бы двое самых дорогих его сердцу были в порядке.

Проливной дождь, ливший всю ночь, наконец прекратился, в горах повсюду стоял сырой запах влажной земли.

Тянь Тянь изо всех сил наклонился и полувысохшей курткой, которую держал в руке, укрыл сонного и замерзшего Шао Ханя.

Вчерашнее падение оказалось серьёзнее, чем он предполагал. Он думал, что это просто ушиб мягких тканей, но теперь боль, становившаяся всё сильнее, заставляла его признать — похоже, повреждена кость. Его лодыжка распухла так сильно, что застряла в голенище туфли, и любое движение причиняло боль.

Его сознание было затуманено, но он из последних сил пытался сохранять ясность. Шао Хань вчера совсем выбился из сил, весь съёжившись жалко рядом с ним, и это заставляло Тянь Тяня ещё больше бояться позволить себе потерять сознание.

Тянь Тянь ущипнул себя, от боли он выдохнул горячий воздух.

Температура, кажется, повышена. Тянь Тянь потёр глаза, даже тонкие веки казались обжигающими.

Ему казалось, что кто-то тянет его веки вниз, и он изо всех сил старался не дать им сомкнуться.

Первое после грозы солнце било нещадно. Тянь Тянь, стиснув зубы, подтолкнул ничего не подозревавшего Шао Ханя в тень, а сам уже не имел сил отодвинуться туда же.

Ему казалось, что все силы, словно утренняя роса, вот-вот испарятся.

* * *

Тянь Тянь, распластавшись на большом камне, с горькой усмешкой подумал, что он уже отдал Шао Хуэю все свои сбережения, а теперь ещё так бесцеремонно собирается разорвать отношения. Сейчас у него нелёгкое финансовое положение, да ещё и нога повреждена — похоже, ему остаётся только стать калекой и жить под мостом...

Он помнил, как однажды, когда они с Шао Хуэем уехали за границу, чтобы пожениться, он тоже провёл целую ночь в горах.

Свадебный отпуск был около двух недель. После церемонии они несколько дней просто гуляли без дела, а потом Шао Хуэй предложил съездить в горы поохотиться. Тогда он, глупый, бегал за зайцем и заблудился, тупо кружа на одном месте.

В самый отчаянный момент появился Шао Хуэй.

К тому времени уже начало темнеть, и дорога назад была запутанной. Шао Хуэй, недолго думая, решил просто заночевать в палатке.

В ту ночь даже выпал иней. Шао Хуэй, боясь, что он замёрзнет, обнял его и пронёс на руках всю ночь.

Он волновался всю ночь, но даже не посмел поцеловать, а только трусливо дрожал в его объятиях.

Шао Хуэй решил, что он замёрз, и прикрыл его ещё плотнее, не пропуская ни малейшего ветерка.

Если говорить честно, если бы не последующие запутанные события, он мог бы по наивности подумать, что непоколебимый директор Шао тоже проникся к нему чувствами.

* * *

Пока Тянь Тянь предавался этим беспорядочным мыслям, он вдруг услышал шум.

Первым появился Чэнь Сыань.

— Сяохань!

Обычно сияющая звезда, похожая на беженца, спотыкаясь, бросилась вперёд и обняла нашего сонного, только что проснувшегося молодого хозяина.

Тянь Тянь молча смотрел, как эти двое обнимаются, смеясь и плача, от взаимной заботы переходят к взаимным признаниям и, наконец, кажется, готовы при всех без стеснения поцеловаться.

Не было ни подходящего времени, ни места. Тянь Тянь уже хотел открыть рот, чтобы остановить эту парочку, но его опередил запоздало появившийся директор Шао.

— Шао Хань.

— А? — Шао Хань вздрогнул и наконец заметил, что его старший брат и невестка стоят рядом и пристально на них смотрят. Его лицо мгновенно запылало, и он неохотно позвал:

— Братец.

— Веди себя прилично, — вздохнул Шао Хуэй. Хотя его лицо оставалось серьёзным, он не сказал ничего обидного. — Не пострадал?

— Я в порядке... — Эти слова молодого хозяина слегка успокоили директора Шао, но тут же он услышал продолжение:

— Но у брата Тяня травмирована нога, он промучился целую ночь, нужно срочно осмотреть!

Шао Хуэй внутренне сжался и повернулся к сидящему в стороне Тянь Тяню:

— Серьёзно?

Тянь Тянь поднял взгляд на директора Шао, посмотрел на него — стоящего выше, невозмутимого, спокойного и непоколебимого директора Шао.

Шао Хуэй был в идеально сидящем костюме, даже галстук на шее лежал безупречно. Тянь Тянь невольно взглянул на тех двоих, которые всё ещё липли друг к другу, с лицами, размазанными

от слёз и грязи. Он опустил глаза, поморгал горячими веками.

— Несерьёзно, пустяковая травма, — поднимая глаза, Тянь Тянь подавил в себе ту щемящую обиду и запоздалый страх, оставив лишь лёгкую красноту в уголках глаз, без малейшего намёка на слёзы. На его лице вновь появилась подходящая улыбка. — Беспокоим директора Шао, что пришлось потратить время.

Тот, кто обнимал его, защищая от ветра, возможно, был лишь мимолётной иллюзией.

Тянь Тяня на носилках медицинский персонал спустил с горы. Лёжа на них и покачиваясь, он ещё на полпути не выдержал усталости и сонливости и провалился в забытие.

Даже когда его погрузили в машину скорой помощи, Тянь Тянь не проснулся. Он лежал с закрытыми глазами, морщась от дискомфорта, на лице играл нездоровый румянец.

Шао Хуэй придерживал его руку, помогая закрепить термометр. Дыхание Тянь Тяня касалось его лица, волнами, и все они были обжигающе горячими.

— Братец, время вышло, скорее покажи врачу, — приглушённо сказал рядом Шао Хань, сам закутанный в одеяло так, что видно было только лицо. — Температура высокая?

— 39.4, — брови Шао Хуэя сдвинулись и не разглаживались даже после того, как Тянь Тяню поставили капельницу. — Шао Хань, принеси ещё одно одеяло, укрой Сяотяня.

— Ага, — молодой хозяин огляделся и обнаружил, что запасное одеяло лежит прямо рядом с директором Шао. Он потянулся за ним, ворча:

— Оно же прямо рядом с тобой, а ты меня посылаешь. Знает только, что жалеть брата Тяня, а я ведь тоже только что из опасности выбрался...

— Братец, руку-то подвинь, — Шао Хань дёрнул за левый рукав Шао Хуэя, лежавший у него под боком, желая достать одеяло снизу, но вдруг почувствовал, что пальцы стали влажными и липкими. — Что это? Одеяло грязное? Братец, посмотри, нет ли ещё чистого... Братец?! У тебя кровь!

— Что ты так кричишь? — Шао Хуэй бросил на перепуганного младшего брата строгий взгляд, правой рукой поправил одеяло на Тянь Тяне и, убедившись, что тот не проснулся, вернулся к лицу Шао Ханя, искажённому ужасом. — Ничего страшного, ерунда.

— Братец, как ты мог пораниться? — Шао Хань не мог усидеть на месте. Закутавшись в одеяло, он подбежал к брату, осторожно взял его за руку и, нащупав влажный пиджак, широко раскрыл глаза.

Пиджак Шао Хуэя был тёмным, и ничего не было видно, но стоило коснуться манжеты, как рука становилась липкой. Шао Хань присмотрелся и увидел, что Шао Хуэй сжат кулак, в щелях между пальцев виднелась засохшая кровь ржавого цвета.

— Братец, зачем ты сжимаешь кулак? Разожми руку!

Шао Хуэй, не в силах противостоять натиску младшего брата, разжал левую руку, открыв ладонь, которую так старался скрыть.

Руки Шао Хуэя всегда были длинными и сильными. Но даже самая красивая рука не может

выглядеть эстетично, когда плоть разорвана в клочья.

<http://bllate.org/book/15620/1394785>